

Раздел первый
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА:
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

*доктор экономических наук,
"Русский курьер"*

**Монополия власти:
борьба "за" и "против" на рубеже веков**

Сегодня мы, жители России, участвуем в очередной попытке вырваться из исторических ловушек, губивших на протяжении столетий российские реформы. Первая из них — хорошо известное опасение центробежных тенденций, распада большого и притом многонационального государства. Вторая ловушка заключается в том, что власть, прогнившая из-за своего монопольного характера, терпит крушение, но самой своей гибелью, катастрофическими обстоятельствами своего ухода создает предпосылки для воспроизведения монопольности уже на новом этапе.

Монопольный механизм, неэффективный по своей природе, делает невозможным планомерное и мирное проведение общественных реформ. В итоге монопольная власть покидает политическую сцену лишь после вызревания общего кризиса — экономического, социального и политического. Недееспособная власть не уходит, а рушится, когда рушится весь общественный механизм. Новая власть рождается в обстановке социальной катастрофы. Под флагом защиты населения от последствий этой катастрофы, от внешних и внутренних угроз она вводит ("в порядке исключения", "временно") чрезвычайные меры, порождающие новую монопольность, которая несет в себе зерна будущей гибели уже этой новой власти. Неудач, связанных с этими ловушками, не избежали ни цари-реформаторы, ни Временное правительство, ни большевики. В конце концов, разгон Б. Ельциным Верховного Совета, покончивший с властью Советов, стал выразительной ухмылкой истории

© О.Р.Лацис, 2003

вослед тем, кто начал утверждать свою монополию с разгона Учредительного собрания в 1918 г.

Но и сама власть российской демократии, признавшей Б.Ельцина своим вождем, родилась в августе 1991 г. не в результате мирного демократического волеизъявления, а вследствие поражения заговора советской бюрократии. Сам этот заговор, а затем его поражение соединили экономическую катастрофу страны с крушением власти партии, монопольно управлявшей страной 74 года, и с распадом многонациональной империи. Новое Российское государство, унаследовавшее руины экономики вместе с руинами политической системы, поначалу вынуждено было заботиться не столько о планомерном построении демократических институтов, сколько об элементарном выживании населения. В этих условиях легко получили общественную поддержку шаги к созданию элементов новой монополии: от силового разгона Верховного Совета и принятия Конституции РФ, сочетающей признание примата прав человека с непомерными полномочиями президента, до последующих усилий по укреплению президентской "вертикали" и выхолащиванию механизмов политической конкуренции.

Однако в результате стихийного взаимодействия различных общественных сил в течение более чем десяти лет реформ законченной монополии не получилось. Сегодня мы видим результат, который никем не проектировался и не мог проектироваться заранее. В сжатой форме пройденный путь можно охарактеризовать так: *от номенклатурного социализма к номенклатурному капитализму*.

Исходной целью реформ 1990-х годов стала трансформация социализма в его советском варианте, доказавшего свою неспособность решать проблемы развития постиндустриального общества. Поскольку общепринятого и непротиворечивого определения социализма не существует, следует оговорить, что в данном случае речь идет о строе, в основе которого лежали три главные характеристики:

1. Государственная собственность на средства производства, служившая на деле формой корпоративной собственности бюрократии.

2. Безрыночная экономика.

3. Монопольная политическая власть партийно-советской бюрократии, принявшая юридическую форму узаконенной (согласно Конституции РФ) вечной власти одной партии при безальтернативных "выборах" руководства этой партии и депутатов Советов. Неотъемлемая часть такой власти — идеологическое государство, а с ним и полное отсутствие свободы слова, которая могла бы открыть дорогу конкурирующей идеологии.

Именно эта триада предопределяла, с одной стороны, неэффективность и в конечном счете нежизнеспособность системы, а с другой — ее относительную устойчивость, а точнее, косность и неререформируемость. В результате она израсходовала запас проч-

ности до предела, а потом рухнули сразу все ее опоры. Этот строй смог, при всех его недостатках, просуществовать три четверти века благодаря тому, что в этот период он обеспечивал возможность выполнения основной цивилизационной задачи России XX в., и рухнул тогда, когда не смог обеспечивать выполнение новой цивилизационной задачи.

О каких задачах идет речь?

В центре общественного развития России с конца XIX до конца XX в. стояла задача перехода от цивилизации аграрной к индустриальной и, соответственно, основной массы населения из сельского хозяйства в промышленность и сферу услуг. Дополнительными осложняющими факторами этого перехода стали необходимость обороны от внешней угрозы и исторически предопределенная неизбежность догоняющего развития. Последние факторы использовались как оправдание чрезвычайного выбора в пользу безрыночной экономической системы и монопольной политической власти, усиливали массовую поддержку такого выбора.

Этот выбор не остановил решение основной цивилизационной задачи — индустриализации, но резко увеличил ее социальные издержки, а также снизил качественные характеристики полученного индустриального общества. Его производственной основой сделалась специфическая система затратной экономики, в которой привычно игнорировались вопросы эффективности. Его социальной основой стали барачная культура городского быта и всевластие репрессивных органов. Вместе с тем элементы чрезвычайщины отчасти способствовали решению военных задач (что служило их пропагандистскому оправданию) и обеспечили искусственное ускорение индустриальной трансформации. Это ускорение долгое время воспринималось как главная историческая цель советского социализма и его основной исторический успех. Лишь позднее стало очевидно, что оно больше проблем породило, чем решило.

С завершением выполнения задач индустриальной трансформации и появлением качественно новых задач постиндустриального развития все три перечисленные характеристики общественной системы из двигателей (пусть малоэффективных) превратились в тормоза. Это привело к быстро увеличивавшемуся отставанию в соревновании с западным миром, а затем и к прямой неспособности обеспечивать нормальное повседневное функционирование экономической и социальной систем. После этого крах советского социализма стал неизбежным. Сами обстоятельства этого краха показали, что именно необходимо изменить в России. Требовались разгосударствление собственности, переход от "планового" хозяйства к рыночному и ликвидация монопольной власти.

Как и в какой степени удалось это выполнить?

В новой России в первую очередь было сделано самое неотложное, без чего нельзя было восстановить повседневное функциони-

рование экономики. Это были шаги к воссозданию рыночной системы, тесно связанные с разгосударствлением и приватизацией собственности. Вопреки распространенным мифам о шоковой терапии шаги эти были чрезмерно осторожными и медлительными. Либерализация цен спустя десятилетие после ее начала все еще не довершена в обширных секторах экономики. Непомерной остается и роль государства. Получилась далеко не совершенная рыночная система, страдающая анемией механизмов конкуренции, без чего нет полноценного рынка. Тем не менее, пусть ущербная, рыночная система начала жить. Это наглядно проявилось после августа 1998 г. Четыре года после 1998 г. стали рекордными по темпам улучшения производственных и социальных показателей не только за последнее десятилетие, но и за добрых 30 лет. Главный двигатель этого успеха — шоковая девальвация рубля в 1998 г., за которую население заплатило падением реальных доходов. Но она дала мощный производственный эффект, а это как раз и доказывает, что экономика реагирует на рыночные импульсы.

Политическая трансформация началась даже раньше, чем экономические реформы. Отказ от законодательного закрепления монопольной власти КПСС и зарождение многопартийности, альтернативные выборы органов представительной власти, гласность и отмена цензуры, демонтаж репрессивной системы и освобождение политзаключенных, рождение демократических структур России, независимых от союзной бюрократии, — все это произошло еще при М.Горбачеве.

Период от августовского путча 1991 г. до референдума по новой Конституции РФ в декабре 1993 г. проходил как бы во встречающих боях между силами демократии и реставрации. Многопартийные выборы, формальное разделение властей, становление федерализма, законодательное закрепление всего этого в новой Конституции РФ, в новом Гражданском кодексе РФ и других законах стали реальными плодами этой эпохи первоначальной демократической бури и натиска. Однако в дальнейшем российскому обществу пришлось убедиться в том, что формальные, законодательно закрепленные демократические изменения — это даже не половина того, что требуется для реального устранения монопольности власти из общественной жизни.

В спорах о приватизации, в потоке справедливой и несправедливой критики по этому поводу остается незамеченным провал в решении более общей задачи: разделения собственности и власти. Если при так называемом социализме слияние собственности и власти было 100%-ным, то ныне их разделение осуществлено не более чем наполовину, а может быть, всего лишь на четверть. Либеральные политики считают важнейшим недостатком чрезмерное вмешательство государства в бизнес. Критики слева говорят о слишком большом влиянии бизнеса на государство. Однако беда

заключается в том, что Россия болеет обеими болезнями одновременно. Трансформация системы государственной собственности произошла при решающем влиянии прежнего хозяина государства — номенклатурного слоя, прошедшего кадровое обновление, но мало изменившего свою социальную сущность. Наличие конструктивного (по-своему) корпоративного интереса этого правящего слоя облегчило и ускорило процесс приватизации, но не могло не придать ему корыстную окраску. Верхушечный характер реформ, руководимых в сущности прежней бюрократией, не мог не вызвать искажений демократической политической системы, особенно в том, что было связано с распределением бывшей государственной собственности. Государство получило возможность "назначать миллионером", что нагляднее всего проявилось в залоговых аукционах.

Эти недостатки казались исправимыми по мере стабилизации экономики и укрепления демократических механизмов. Однако демократическое развитие застопорилось и отчасти даже было повернуто вспять после того, как был молча расторгнут союз реформаторской бюрократии с еще неокрепшей демократией. В этом "браке по расчету", оформленном в 1989 г. в виде предвыборного соглашения Б.Ельцина с А.Сахаровым, реформаторская бюрократия всегда имела перевес, но поначалу нуждалась в помощи Демократии, чтобы сокрушить власть старой бюрократии, не желавшей перемен. Совершив главное для себя, раздел государственной собственности, новая бюрократия решила, что больше ни в чьей помощи не нуждается и никакими обязательствами стеснять себя не должна. Именно тогда кучка политиканов толкнула Б.Ельцина к самой большой ошибке — Чеченской войне, в результате которой возникла опасность реванша — возврата власти в руки отнюдь не реформаторской, а откровенно сталинистской бюрократии. Из-за этого на выборах 1996 г. Б.Ельцин вновь — теперь уже в последний раз — использовал поддержку демократии.

В конце концов, открытая и законодательно закрепленная монополия власти советского времени сменилась своеобразной квази-монополией, влияющей на общественное развитие так же негативно, как и прежняя монополия. Все демократические механизмы, принцип разделения властей, свобода слова формально существуют, но в повседневной жизни все более господствует стремление отключить их. Получается что-то вроде автомобиля с отжатым сцеплением: мотор работает, движения нет. Парламент, судебная власть, оппозиционные партии, свободная пресса — все в реальности отжато, всем дирижирует монополичный политический центр, не сменивший даже почтового адреса: администрация президента находится в тех же домах на Старой площади, где был аппарат ЦК КПСС. Квазимонополия воспроизводит все негативные последствия прежней монополии, которые можно выразить одним словом:

неэффективность. Отрыв от народа приводит к пробуксовке реформ, отсутствию решения социальных проблем, тупику в Чечне.

Новой монополии власти не потребовалось изменять Конституцию РФ, чтобы утвердиться в нашей жизни. Новая монополия реализована путем простого изменения текущей политической практики. Например, никто не восстанавливал Главлит, политическую цензуру. Но реальные функции бывшего Главлита все чаще выполняет та самая самоцензура, к которой призывал Е.Примаков: руководители СМИ после ряда наглядных экзекуций сами догадываются, про что не следует писать, если не хочешь поссориться с государством. Так, СМИ всех политических направлений практически единодушно замолчали конференцию за мир в Чечне, прошедшую в Москве при весьма широком представительстве либеральных политических сил, парламентских партий. Другой пример незаконной практики в законном облачении — иницилируемые спецслужбами "шпионские" процессы, пока еще часто проваливающиеся, но показывающие, что в ФСБ и прокуратуре есть люди, готовые действовать в духе 1937 г.

Сила, сдерживающая этот натиск новой монополии, также лежит в сфере политической практики, не будучи узаконенной формально. Это сложившаяся за последние полтора десятилетия демократическая традиция, продолжаемая по инерции. Ее носитель — не государственные структуры, но это и не гражданское общество. Можно сказать, что функцию еще не сложившегося гражданского общества замещает гражданская толпа. Ее ведет не столько знание, сколько демократический инстинкт, а часто и разрушительная стихия. Наглядный пример — митинги и забастовки последних месяцев с требованием остановить реформу жилищно-коммунального хозяйства. Участники этих протестов видят какую-то неправильность происходящего, но не в состоянии понять ее подоплеку и обосновать конструктивную программу. Ведь подлинная реформа ЖКХ не противоречит интересам жильцов, особенно малоимущих, она соответствует этим интересам. Следовало бы требовать не остановки, а начала реформы ЖКХ, которая пока подменяется повышением тарифов без изменения экономических и социальных механизмов деятельности ЖКХ.

Несмотря на наличие политических партий, партийных списков, партийных фракций, демократическая толпа не структурирована и малоспособна к организованному осмысленному действию. За редкими исключениями, на политической сцене выступают муляжи партий, муляжи профсоюзов, а исполнительная власть умело использует это для монополизации власти.

Вступая во второе десятилетие реформ, важно разобраться в причинах трудностей политического взросления российского общества. Помимо общеизвестных недостатков демократического строя как такового, помимо исторической молодости российской демокра-

тии и малого вследствие этого политического опыта избирателей, тут сказываются два фактора: 1) дезориентация массового сознания вследствие наслоения переходных состояний социальной жизни; 2) маргинальное состояние общественного сознания, унаследованное от советской эпохи. Как появилось маргинальное сознание?

О переходных состояниях много сказано, здесь достаточно лишь перечислить, о чем идет речь: крушение так называемого социализма и переход к рыночному хозяйству с неясной пока социальной ориентацией; крушение империи и сверхдержавы и превращение бывшей метрополии в рядовое крупное государство; крушение коммунистической идеологии и переход к никакой идеологии, сопровождаемый бесплодными попытками заполнить вакуум то национализмом, то ностальгическими имперскими мотивами; крушение социальной системы регламентированного иждивенчества и замена ее плохо организованной системой самообеспечения — все это наслоение переходных состояний порождает такую колоссальную дезориентацию, что можно только удивляться долготерпению населения, в большинстве своем продолжающего искать выход из кризиса в построении нового общества. Учтем и то, что прежний социалистический советский менталитет господствовал гораздо дольше, чем в любой другой стране мира, и подкреплялся не только мифологическими, но и реальными достижениями, такими, как победа в Великой Отечественной войне и выход в космос.

Меньше исследован вопрос о маргинальном сознании. Сам факт распространенности такого сознания не вызывает сомнений — достаточно вспомнить об устойчивых результатах выборов. Менее половины избирателей голосуют за партии с определенной идеологией: не более 30% за КПРФ и ее союзников, не более 15% за "Яблоко" и СПС вместе взятые. Остальные — это избиратели ЛДПР, маргинальной по определению, и так называемых партий власти, раздувающихся и лопающихся, как пузыри от выборов к выборам и не имеющих никакой идеологии кроме поддержки действующего президента. К тому же маргинальное сознание свойственно и многим избирателям идеологических партий. Сама идеология КПРФ, например, пронизана мифологией маргинального свойства.

Маргинальному политическому сознанию свойственно ориентироваться на личность лидера больше, чем на его программу, и на внешний облик, на имидж больше, чем на реальные действия. Характерен в этом смысле парадокс, навязший в зубах у социологов: сверхвысокий личный рейтинг президента при весьма низкой оценке его правительства, его экономической и социальной программы и политики. Маргинальному сознанию свойственны легкое верие и повышенная эмоциональность, ориентация больше на предрассудки, чем на знание, больше на интуицию, чем на логику. Оно подвер-

жено ксенофобии, охотно принимает теорию заговора как **объяснение** всего происходящего, склонно преувеличивать роль и возможности государства. Ему свойственны уравнилельские настроения и правовой нигилизм. Элементы такого сознания встречаются всегда и во всех странах, но в современной России оно распространено больше, чем это должно быть в стране с таким уровнем индустриального развития и образования. Одна из причин этого заключена в особенностях цивилизационного развития России в XX в.

Речь идет об искусственном ускорении индустриализации, которое до сих пор принято было считать положительным явлением. Наша пропаганда показывала один результат индустриализации: растущие потоки чугуна и нефти, колонны тракторов и комбайнов, арсеналы оружия для обороны страны. Мало кто исследовал сопутствующие этому потоки людей. Если главная фигура аграрной цивилизации — это деревенский человек в деревне, если главная фигура индустриальной цивилизации — это городской человек в городе, то кто является главной фигурой в период ускоренной индустриализации? Деревенский человек в городе, в московском просторечии — лимитчик. Он сохраняет в памяти свою замечательную сельскую культуру, но в городе она бессильна. А городская культура вполне осваивается не ранее чем в поколении родившихся в городе. Возникает то, чему Давид Самойлов дал удачное название: неутраченный народ.

При естественном неторопливом ходе урбанизации маргинальный человек всегда в меньшинстве. При советской ускоренной индустриализации он на целые десятилетия оказался в большинстве и сформировал собственную политическую традицию. Если в 1920 г. всех промышленных рабочих в России было 1,7 млн, из них кадровых — 700 тыс., то всего лишь десятков лет спустя, в годы первой пятилетки, в город из деревни приходили от 6 млн до 10 млн человек в год.

Возможен вопрос: какое нам дело до того, что происходило 70 лет назад? Но все дело сводится к тому, что демографические процессы гораздо более инерционны, чем становление индустриальной материальной базы. Лишь с 1968 г. родившиеся в городе составляют большинство родившихся в стране. Тем, кто родился в 1968 г., ныне 35 лет. Это значит, что в активном населении страны (если считать политически активными лиц старше 18 лет) и по сей день большинство составляют родившиеся в деревне.

Хотелось бы отметить, что предложенный выше анализ демографических истоков некоторых политических явлений ведет не к пессимистическому, а к оптимистическому прогнозу на стратегическую перспективу. Никакой особый рок над Россией не тяготеет. Нет никакой предопределенности в той политической незрелости, которую часто проявляет российский избиратель, — есть лишь определенный преходящий этап цивилизационного развития.

Как миновать этот этап с наименьшими издержками? Как разорвать порочный круг исторических ловушек? Разумеется, надо объективно исследовать и истолковывать реальные процессы, не ударяясь в мифологию вроде рассуждений о том, почему Россия не Америка, или о том, что русский человек будто бы от века обречен пить горькую, воровать и отлынивать от работы.

Что еще? Если рассматривать исторический опыт "от противного", т.е. не повторять попыток, приводивших не раз в тупик, то нужно развивать не пресловутую "вертикаль", а как раз "горизонталь", горизонтальные общественные связи. Укреплять федерализм — реальный, а не подконтрольный семерке "генерал-губернаторов". И самое главное — укреплять горизонтальные связи, прищипывая гражданскому обществу. Нужно излечиться от вечной веры в действенность простой власти, представляющей собой трубопровод для спуска директив. Если продолжать строить этот трубопровод, мы не только не научимся решать сложные задачи постиндустриального развития, но и вернемся в застой, который погубил советскую власть вследствие полной профнепригодности правящей верхушки. С этим связан и вопрос о маргинальном сознании. Следует ли пассивно ждать, когда все "дозреет" до современных политических кондиций, или помогать политическому взрослению? Хотелось бы помогать, но есть опасность, что власть попытается выстроить новое идеологическое государство. Избежать этого можно, если власть не станет присваивать себе роль поводыря и наставника народа, а ограничится созданием условий для самоуправления. На муниципальном уровне избирателям легче всего учиться самоорганизации, занимаясь близкими и понятными им делами. Только у нас там пока не местная самоуправляющаяся община, а, говоря языком бюрократии, "муниципальное образование" — инстанция, где получают "сверху" деньги и делят их.

Удастся ли России наконец избрать не худший, а лучший из путей дальнейшего развития, в конечном счете будет зависеть не от государства, а от самого народа, прежде всего от его мыслящей части. Однако в ближайшей перспективе очень велика роль власти, т.е. на сегодняшний день — реформаторской бюрократии, которой эта власть принадлежит. Не надо думать, что всякая бюрократия так же безнадежно тупа, как, скажем, наши гэкачеписты 1991 г. На протяжении XX в. инстинкт самосохранения не раз диктовал в поворотные моменты вполне разумное поведение правящей верхушке США, Франции, Испании, Китая, других стран. Мы еще можем надеяться, что новая российская бюрократия способна правильно понять свой долгосрочный интерес, что она не забудет: монополия в политике столь же, если не более — опасна, как и в бизнесе. Во всяком случае, долг людей науки — объяснять это людям власти.